

А. И. Введенский

**Логика. Учебник для
гимназий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А. И. Введенский
А11 Логика. Учебник для гимназий / А. И. Введенский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 180 с.

ISBN 978-5-458-54339-2

Александр Иванович Введенский (1856—1925), русский философ-идеалист и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства.

ISBN 978-5-458-54339-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Задачи логики и ея отличія отъ психологiи.

§ 1. Логикой называется наука о правильности и ошибочности мышленія. Правильнымъ же называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія, а ошибочнымъ или неправильнымъ — непригодное для этой цѣли. Напр., если мы такъ рассуждаемъ: „ласточка перелетная птица, и ласточки полезны; слѣд., хотя нѣкоторыя перелетныя птицы да полезны“, то это правильное мышленіе, пот. что оно пригодно для расширенія нашего знанія о перелетныхъ птицахъ. Если же мы такъ рассуждаемъ: „ласточка перелетная птица, и ласточки полезны; слѣд., перелетныя птицы полезны“, то это неправильное или ошибочное мышленіе, пот. что оно непригодно для расширенія знанія.

Задача логики тройкая и состоитъ въ томъ, чтобы:

1 — отыскать тѣ правила, при исполненіи которыхъ мышленіе выходитъ пригоднымъ для расширенія знанія;

2 — объяснить эти правила тѣми законами, которыми подчинено наше мышленіе;

3 — съ помощью найденныхъ правилъ выслѣдить всѣ тѣ ошибки мышленія, т.-е. нарушенія этихъ правилъ, которыя встрѣчаются на дѣлѣ, и указать, въ чемъ состоитъ каждая изъ нихъ.

Логика важна или полезна описаніемъ состава всѣхъ встрѣчающихся на дѣлѣ ошибокъ мышленія. Именно: этимъ описаніемъ логика, съ одной стороны, дѣлаетъ насъ болѣе чуткими къ ошибкамъ, а съ другой стороны — даетъ намъ въ руки средство легко и быстро объяснить, въ чемъ состоитъ та ошибка, которую мы подмѣтимъ у кого-нибудь. И то мнѣніе, которое часто высказываютъ о логикѣ, именно, что она научаетъ насъ правильно мыслить, надо понимать только въ томъ смыслѣ, что она усиливаетъ чуткость къ ошибкамъ. Но нелѣпо

думать, будто бы нельзя правильно мыслить безъ изученія логики; ибо, во-первыхъ, часто встрѣчаются люди, которые безукоризненно правильно мыслятъ, а никогда не изучали логики; во-вторыхъ, чтобы изучать самоё-то логику, уже надо уметь правильно мыслить.

Свое названіе логика получила отъ греческаго слова $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$, обозначающаго, съ одной стороны, слово или рѣчь, а съ другой — и то, что выражается въ рѣчи, т.-е. умъ, мышленіе и т. п. А отъ этого названія образовали слова „логическій“ — относящійся къ логикѣ — и „логичный“ — согласный съ правилами логики. И правила логики стали называть „логическими правилами“, ихъ нарушенія „логическими ошибками“, а тѣ изъ законовъ мышленія, которыми объясняются логическія правила, „логическими законами мышленія“. Про мышленіе же стали выражаться, что оно бываетъ „логичнымъ“, т.-е. согласнымъ съ правилами логики, и „нелогичнымъ“, т.-е. нарушающимъ эти правила.

Логика основана Аристотелемъ (384 — 322 г. до Р. Хр.), но не надо думать, что онъ же и назвалъ ее логикой. Названіе „логика“ возникло даже и не въ школѣ Аристотеля, а въ другой философской школѣ — въ стоической, появившейся въ началѣ III-го вѣка до Р. Хр., и съ той поры постоянно употребляется въ смыслѣ одной изъ философскихъ наукъ.

§ 2. Къ знанію можно причислять только такія мысли, которыя уже проверены. Поэтому логика, стремясь установить правила, при соблюденіи которыхъ мышленіе становится годнымъ для расширенія знанія, должна больше всего обратить вниманіе на то, какъ въ наукѣ проверяются разныя мысли, и указать правила, при исполненіи которыхъ въ проверяемой мысли обнаруживается ея истинность или ея ложность. Но прежде чѣмъ проверять данную мысль, надо, чтобы она уже возникла у насъ и внушала намъ хоть какую-нибудь надежду, что она окажется истинной: иначе не будетъ никакихъ причинъ, побуждающихъ насъ къ проверкѣ этой мысли. Напр., о Пифагорѣ разсказываютъ, что онъ тогда принялся за доказательство своей теоремы, когда у него уже явилась надежда, что въ каждомъ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ. А эта надежда явилась у него слѣдующимъ путемъ: онъ подмѣтилъ, что въ одномъ изъ прямоугольныхъ треугольниковъ гипотенуза равна 5 определеннымъ единицамъ мѣры, а катеты 3 и 4 такимъ же единицамъ, и что $5^2 = 3^2 + 4^2$.

Всякую мысль, внушающую намъ какую бы то ни было, хотя бы и самую слабую, надежду, что при проверкѣ она окажется истинной, но которая остается еще не вполне про-

вѣренной, принято называть догадкой. Такимъ образомъ, знаніе расширяется тѣмъ путемъ, что у насъ сперва возникаетъ догадка, которая подвергается провѣркѣ и, въ концѣ концовъ, или отбрасывается и замѣняется новой догадкой или же становится прочнымъ достояніемъ науки. Возникновеніе догадки часто называютъ открытіемъ новой истины. Поэтому все, что говорилось сейчасъ, можно высказать еще слѣдующимъ образомъ: при расширеніи знанія мы всегда имѣемъ дѣло, съ одной стороны, съ открытіемъ новой истины, а съ другой — съ ея провѣркой.

Впрочемъ, это еще не означаетъ, будто бы въ логикѣ содержатся ученія о двухъ родахъ правилъ: во-первыхъ, о правилахъ, соблюденіе которыхъ приводило бы насъ къ открытію новыхъ истинъ, каковое ученіе можно назвать и нерѣдко называютъ логикой открытій, и, во-вторыхъ, о правилахъ провѣрки открытій; а это ученіе для отличія отъ логики открытій можно назвать и нерѣдко называютъ логикой провѣрки. Логика открытій, конечно, составила бы очень важную науку; и, начиная съ XIV ст. по XVII ст. включительно, нѣкоторые ученые пытались построить ее подъ именемъ „*ars inveniendi*“ — искусства открытій“. Но, въ концѣ концовъ, ученые стали думать, что такая задача врядъ ли осуществима. Во всякомъ случаѣ, если когда-нибудь и удастся построить логику открытій, то современная логика составляетъ только логику провѣрки, т.-е. она всегда предполагаетъ, что догадка уже возникла, и ведетъ рѣчь только о томъ, какъ провѣряется эта догадка. Если же логика и упоминаетъ о средствахъ, которые содѣйствуютъ открытію новыхъ истинъ, т.-е. имѣютъ эвристическое ¹⁾ значеніе, то только для того, чтобы ихъ не принимали за годныя для провѣрки.

§ 3. Ошибочно думать, будто бы логика то же самое, что психологія мышленія, т.-е. та часть психологіи, которая посвящена изученію мышленія. Логика и психологія мышленія образуютъ двѣ разныхъ науки, потому что онѣ изучаютъ мышленіе съ разныхъ точекъ зрѣнія. Разница же этихъ точекъ зрѣнія сводится къ слѣдующему: психологія оставляетъ въ сторонѣ всѣ вопросы о правильности и ошибочности мышленія, а вмѣсто того разсматриваетъ, изъ какихъ неразложимыхъ дальше и несводимыхъ другъ на друга элементовъ душевной жизни состоятъ переживанія явленій мышленія (будетъ ли оно правильнымъ или ошибочнымъ, безразлично), какъ эти переживанія зависятъ отъ памяти, воображенія, чувствъ и воли, и какъ, въ свою оче-

¹⁾ Слово „эвристическій“ происходитъ отъ греческаго εὑρίσκω нахожу, открываю — и означаетъ „относящийся къ открытіямъ“.

редь, вліяють на нихъ, и т. п., а логика имѣть въ виду только правильность и ошибочность мышленія, независимо отъ того, каковъ составъ душевныхъ переживаній въ томъ и другомъ случаѣ, и какова взаимная связь этихъ переживаній съ другими явленіями душевной жизни.

При такомъ ограниченіи своихъ задачъ логика, конечно, вовсе не обязана объяснять, что такое мышленіе, какова его природа, и каковы его отличія отъ дѣятельности памяти и воображенія. Это—задачи психологіи, а не логики. При изученіи же логики достаточно помнить, что переживанія сужденій и умозаключеній всѣми принято называть мышленіемъ. Дѣло въ томъ, что въ мышленіи логикѣ приходится затрогивать, именно, сужденія и умозаключенія ¹⁾. Поэтому для логики безразлично, относится ли къ мышленію еще что-нибудь, кромѣ сужденій и умозаключеній, или же все оно исчерпывается переживаніемъ однихъ только этихъ явленій. Но для нея до нѣкоторой степени важно, что переживанія сужденій и умозаключеній всѣми и безъ всякаго спора причисляются къ мышленію: иначе, чего добраго, возникли бы споры, имѣть ли она право называться логикой, т.-е. наукой о мышленіи. Въдъ въ бугвальному переводѣ слово „логика“ означаетъ „относящееся къ мышленію“.

Но почему логика должна разсматривать сужденія и умозаключенія, и какіе основные вопросы она имѣть въ виду при ихъ изученіи въ отличіе отъ психологіи, которая тоже изучаетъ ихъ?

§ 4. Сужденіями логика издавна назвала тая мысли, въ которыхъ мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ о чемъ-либо; а вслѣдъ за логикой это же самое названіе усвоила для нихъ и психологія. Напр., мысли, высказанныя въ двухъ слѣдующихъ предложеніяхъ: „металлы — проводники электричества“ и „киты не рыбы“, называются сужденіями. Знаніе состоитъ изъ оужденій, а не изъ какихъ-либо другихъ мыслей, какъ бы ихъ ни называла психологія или обыденная жизнь. Другія мысли входятъ въ составъ знанія лишь постольку, поскольку онѣ служатъ составными частями сужденій. Въ самомъ дѣлѣ: знаніе должно состоять изъ истинныхъ мыслей, а только сужденія могутъ быть истинными и ложными; прочія же мысли, необразующія никакого сужденія, сами по себѣ еще не составляютъ ни истины, ни лжи. Напр., если мы представимъ себѣ что-нибудь заведомо несуществующее, хотя бы трехголоватаго человека, то даже и эта мысль сама по себѣ еще не составляетъ лжи, а ложными будутъ лишь

¹⁾ Даже о такъ называемыхъ понятіяхъ она принуждена говорить только потому, что они встрѣчаются въ каждомъ сужденіи.

сужденія, будто бы есть представляемый нами предмет, будто бы это о немъ говорится въ Библии, что онъ былъ созданъ Богомъ въ шестой день и т. д. Если же мы представимъ себѣ предметъ завѣдомо существующій, напр.—луну, то эта мысль сама по себѣ еще не составитъ истины, но истина появится лишь въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ, напр.—въ томъ, что луна существуетъ, что она такова, какъ мы ее представили и т. п.

Итакъ, знаніе состоитъ изъ сужденій. Поэтому логика должна выяснитъ, какъ провѣряются различныя сужденія. А для этого, въ свою очередь, она должна дать отчетъ, что именно мыслится въ нихъ, и какъ они видоизмѣняются. Вотъ только эти вопросы о сужденіяхъ и разсматриваются логикой. Самое же переживаніе сужденій, тѣ элементы душевной жизни, изъ которыхъ оно состоитъ, его зависимость отъ ея другихъ явленій и его вліяніе на нихъ,—все это логикой оставляется въ сторонѣ и изучается не ею, но психологіей, которая, въ свою очередь, оставляетъ въ сторонѣ логическіе вопросы о сужденіяхъ.

§ 5. Умозаключеніемъ въ логикѣ называется такое соединеніе двухъ или бѣльшаго числа сужденій, относительно котораго намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что съ однимъ изъ нихъ насъ принуждаютъ соглашаться остальные, если мы согласимся съ намысломъ изъ этихъ остальныхъ. Напр., въ умозаключеніяхъ принадлежатъ два слѣдующихъ соединенія сужденій: 1) „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животного“; 2) „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга“. Если въ первомъ примѣрѣ мы согласимся съ сужденіемъ „собака животное“, то это принуждаетъ насъ согласиться и съ тѣмъ, что „голова собаки есть голова животного“. Во второмъ же примѣрѣ соединены не два, но три сужденія, и мы принуждены согласиться съ сужденіемъ „ртуть упруга“, если мы согласимся съ каждымъ изъ двухъ остальныхъ.

Въ умозаключеніи то сужденіе, соглашаться съ которымъ насъ принуждаютъ (или, по крайней мѣрѣ, кажется, что принуждаютъ) остальные, называются **выводомъ** или **заключеніемъ**. Въ нашихъ примѣрахъ выводами служатъ сужденія: „голова собаки есть голова животного“ и „ртуть упруга“. Сужденія же, которыя принуждаютъ или, по крайней мѣрѣ, кажутся принуждающими соглашаться съ выводомъ, называются **посылками**. Въ первомъ примѣрѣ одна посылка „собака—животное“, а во второмъ ихъ двѣ: „ртуть—жидкость“ и „всѣ жидкости упруги“.

Въ нѣкоторыхъ умозаключеніяхъ намъ только кажется съ пер-

ваго взгляда, что ихъ послышки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что въ дѣйствительности нѣтъ такого принужденія. Всѣ подобныя умозаключенія логика называетъ неправильными или ошибочными. Напр., ошибочнымъ или неправильнымъ называется такое умозаключеніе: „ласточки перелетныя птицы, и ласточки полезны; слѣд., перелетныя птицы полезны“. Тѣ же умозаключенія, въ которыхъ послышки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, логика называетъ правильными. Напр., только-что приведенныя умозаключенія о головѣ собаки и о ртути называются правильными. Про выводъ правильныхъ умозаключеній въ логикѣ принято говорить, что выводъ въ нихъ вытекаетъ, или слѣдуетъ, или получается изъ посылокъ. Про выводъ же неправильныхъ принято говорить, что въ нихъ выводъ не вытекаетъ, не слѣдуетъ, не получается изъ посылокъ, а также, что онъ ошибочно выведенъ или ошибочно полученъ.

Причина, по которой логика изучаетъ умозаключенія, состоятъ въ томъ, что правильныя умозаключенія вполне пригодны для провѣрки сужденій, если только они состоятъ изъ истинныхъ посылокъ. Напр., въ математикѣ мы безпрерывно пользуемся для этой цѣли, именно, умозаключеніями. Конечно, благодаря умозаключеніямъ, у насъ, сверхъ того, часто возникаютъ удачныя догадки, открываются новыя истины; однако, это обстоятельство еще не могло бы принудить логику изучать умозаключенія, если она уже рѣшила быть только логикой провѣрки (см. § 2). Но она должна изучать ихъ, коль скоро они пригодны для провѣрки сужденій, именно — логика должна:

1—выяснить тѣ правила, при соблюденіи которыхъ (умышленною или неумышленною, это все равно) послышки дѣйствительно принуждаютъ согласиться съ выводомъ, и

2—съ помощью этихъ правилъ выслѣдить и описать всѣ встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ умозаключеніяхъ.

Кромѣ же этихъ двухъ задачъ, логика ничего другого не изучаетъ въ умозаключеніяхъ, предоставляя въ нихъ все остальное психологіи. Напр., логика вовсе не разсматриваетъ тѣхъ душевныхъ переживаній, посредствомъ которыхъ возникаютъ, или образуются, въ нашихъ мысляхъ соединенія сужденій въ видѣ вывода и посылокъ, т.-е. въ видѣ умозаключеній (см. § 3). Напротивъ, логика разсматриваетъ всѣ умозаключенія только въ готовомъ видѣ, а тѣ душевныя переживанія, съ помощью которыхъ они возникаютъ, разсматриваются въ психологіи. Точно также логика не говоритъ о тѣхъ душевныхъ

переживаніяхъ, которые доводятъ насъ до ошибокъ въ умозаключеніяхъ, т.-е. не говоритъ о происхожденіи ошибокъ, а ограничивается только указаніемъ, въ чемъ именно состоятъ эти ошибки. Вопросъ же объ ихъ происхожденіи, какъ связанный съ разсмотрѣніемъ душевныхъ переживаній, принадлежитъ психологій. Напр., умозаключеніе „ласточки перелетныя птицы, и ласточки полезны; слѣд., перелетныя птицы полезны“ логика разсматриваетъ въ готовомъ видѣ. И вотъ, она указываетъ, что это ошибочное умозаключеніе, и что его ошибка состоитъ въ слѣдующемъ: вмѣсто правильнаго частнаго вывода, говорящаго, что „нѣкоторыя перелетныя птицы полезны“, здѣсь сдѣланъ общій выводъ — „всѣ перелетныя птицы полезны“. Но какъ, съ помощью какихъ именно душевныхъ переживаній, возникло это умозаключеніе, и какъ возникла въ немъ только-что указанная ошибка, объ этомъ логика не заботится; изучить эти душевныя переживанія составляетъ задачу психологій, а не логики.

Теперь ясно, что такое логика, и ясно также, что для нея естественнѣе всего начать свое дѣло съ разсмотрѣнія сужденій, именно: что мыслится въ сужденіяхъ?

ГЛАВА II.

Сужденія и предложенія. Термины и понятія.

§ 6. Въ каждомъ сужденіи необходимо различать три части:

1—мысль о томъ, о чемъ въ сужденіи мы что-нибудь утверждаемъ или отрицаемъ;

2—мысль о томъ, что именно утверждается или отрицается нами;

3)—самое утвержденіе или отрицаніе.

Первая изъ этихъ частей называется въ логикѣ подлежащимъ сужденія, вторая—сказуемымъ сужденія, а третья—отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему или же, чаще всего, связкой сужденія. Напр., въ сужденіяхъ: „собаки суть животныя“, „киты не рыбы“, мысли о собакахъ и китахъ служатъ подлежащими, а мысли о животныхъ и рыбахъ—сказуемыми. Связкой же, или отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему, въ первомъ служитъ утвержденіе, а во второмъ отрицаніе сказуемаго о подлежащемъ.

§ 7. Словесныя звяки, высказывающіе сужденія, называются въ

логикѣ, какъ и въ грамматикѣ, предложеніями, такъ что каждое сужденіе высказывается предложеніемъ, хотя еще не каждое предложеніе высказываетъ собой сужденіе. Такъ, вопросительныя предложенія, напр.: „не стоитъ ли кто-нибудь за дверью?“ или повелѣнія вродѣ: „дайте мнѣ хлѣба!“ не высказываютъ никакихъ сужденій, ибо они не высказываютъ собой ни утвержденій, ни отрицаній. И тѣ мысли, которыя высказываются вопросительными и повелительными предложеніями, вовсе не разсматриваются логикой, потому что онѣ никогда не могутъ сдѣлаться знаніемъ. Знаніе всегда состоитъ только изъ утвержденій или отрицаній чего-нибудь о чемъ-нибудь, а не изъ вопросовъ, повелѣній, возгласовъ и т. п.

§ 8. Назвавъ, подобно логикѣ, словесные знаки сужденій предложеніями, грамматика вѣстѣ съ тѣмъ стала называть нѣкоторыя части предложеній тѣми же именами, какими логика называетъ части сужденій. Поэтому нужно умѣть отличать части даннаго сужденія отъ одноименныхъ частей предложенія, посредствомъ котораго высказано это сужденіе. Во всѣхъ языкахъ подлежащее и сказуемое сужденій чаще всего, но не всегда, высказываются въ предложеніяхъ подлежащими и сказуемыми предложеній. Такъ дѣло стоитъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: „ртуть—жидкость“, „металлы—элементы“, „киты не рыбы“ и т. д. Связка же, если она утвердительная, въ русскомъ языкѣ (но не во всѣхъ языкахъ) нерѣдко вовсе не отмѣчается въ предложеніи, какъ это видно въ только-что указанныхъ примѣрахъ, или же обозначается словами „есть“, „суть“, „составляютъ“, „служать“, „принадлежать“, „относятся“ и т. п., или, наконецъ, отмѣчается окончаніемъ глагольной формы. Напр.: „логика есть наука“; „логика составляетъ науку, служитъ наукой, принадлежитъ къ наукамъ“ и т. п., „земля движется“. Отрицательная же связка всегда высказывается въ предложеніи какой-нибудь отрицательной частицей, напр., „коровы не принадлежать къ плотояднымъ“, „параллели не пересекаются“, „киты не рыбы“. И отыскивая въ предложеніи ту часть, которая выражаетъ собой сказуемое сужденія, не надо относить къ ея составу отрицательныхъ частицъ „не“, „ни“ и т. п. Напр., въ сужденіяхъ: „киты — не рыбы“, „параллели не пересекаются“ словами, выражающими сказуемыя сужденія, служатъ только „рыбы“ и „пересекаются“, потому что только эти мысли отрицаются относительно китовъ и параллелей, а вовсе не „не рыбы“, не „не пересекаются“.

§ 9. Очень часто подлежащее и сказуемое сужденія высказываются только подлежащими и только сказуемыми предложенія. Напр.,

такъ стоитъ дѣло въ только-что указанныхъ примѣрахъ. Но такое совпаденіе бываетъ далеко не всегда, такъ что иногда строй предложенія не соответствуетъ строю высказываемаго сужденія. Напр., въ предложеніи „древніе персы поклонялись солнцу“ подлежащее сужденія высказано подлежащимъ предложенія и опредѣленіемъ, виѣстъ взятыми (древніе персы), сказуемое же сужденія (поклонялись солнцу)—сказуемымъ предложенія, взятымъ виѣстъ съ дополненіемъ. Въдъ слова „поклонялись солнцу“ въ сужденіи обозначаютъ одну мысль, именно ту самую, которую мы утверждаемъ о древнихъ персахъ, равно какъ слова „древніе персы“ тоже обозначаютъ здѣсь лишь одну мысль, именно ту, о которой мы утверждаемъ поклоненіе солнцу.

Мало того: легко можетъ быть, что подлежащее (или сказуемое) сужденія будетъ высказано даже вовсе не подлежащимъ (или сказуемымъ) предложенія, но какой-либо его другою частью, напр., однимъ лишь дополненіемъ. Такъ, напр., въ предложеніи „древніе персы поклонялись солнцу“ посредствомъ логическаго ударенія, словомъ, обозначающимъ сказуемое сужденія, можно сдѣлать „солнцу“, между тѣмъ какъ въ данномъ предложеніи это слово служить всегда дополненіемъ. Именно, если мы скажемъ: „древніе персы поклонялись *солнцу*“ (съ удареніемъ на словѣ „солнцу“), то мы уже выскажемъ такую мысль: „то, чему поклонялись древніе персы (это—подлежащее сужденія), есть солнце (сказуемое сужденія)“ Теперь мы говоримъ о предметѣ поклоненія древнихъ персовъ, что онъ есть солнце. Прежде же, когда мы брали то же самое предложеніе, но иначе читали его, мы говорили о древнихъ персахъ (именно, что они—солнцопоклонники), а не о предметѣ ихъ поклоненія.

§ 10. Тѣ словесные знаки, которые обозначаютъ подлежащее сужденія, а также и тѣ, которые обозначаютъ сказуемое сужденія, называются въ логикѣ терминами. Напр.: „ртуть“, „жидкость“, „металлы“, „древніе персы“, „поклоняться солнцу“, „то, чему поклонялись древніе персы“, „солнце“ и т. д., все это термины. И въ глазахъ логики каждое предложеніе, которое высказываетъ сужденіе, состоитъ всего лишь изъ трехъ частей, именно—изъ двухъ терминовъ и знака связи, при чемъ послѣдній въ русскомъ языкѣ часто пропускается: одинъ изъ этихъ терминовъ обозначаетъ подлежащее сужденія, а другой—сказуемое. Грамматика насчитываетъ въ предложеніи гораздо большее число частей; но это потому, что она изучаетъ самый языкъ, рѣчь какого-либо особаго народа, логика же не изучаетъ никакого языка и относится къ предложеніямъ только какъ къ средству высказывать

сужденія, даже независимо отъ того, какому языку будутъ принадлежать эти предложенія. И такъ какъ въ сужденіи кромѣ связи есть только подлежащее и сказуемое, то съ логической точки зрѣнія въ такомъ предложеніи, которое высказываетъ какое-либо сужденіе, наряду съ знакомъ связи не можетъ быть ничего другого, кромѣ двухъ терминовъ: одного для обозначенія подлежащаго, а другого для обозначенія сказуемаго.

§ 11. Термины бываютъ либо простыми, состоящими каждый только изъ одного слова, каковы: „жить“, „рыба“, „двигаться“, „цвѣтъ“ и т. д., либо сложными, состоящими изъ соединенія нѣсколькихъ словъ, каковы: „морская рыба“, „двигаться вокругъ своей оси“, „цвѣтъ, наблюдаемый въ солнечномъ спектрѣ“ и т. п. Но какъ бы ни былъ сложенъ данный терминъ, образующія его слова, разумѣется, еще не составляютъ предложенія, потому что въ последнемъ должно быть два термина. По своему происхожденію термины дѣлятся на естественные, созданные самимъ народомъ для обозначенія мыслей, созрѣвшихъ уже въ обыденной жизни, и на искусственные или технические, созданные наукой, т.-е. одними лишь учеными, для обозначенія мыслей, созрѣвающихъ только при изученіи науки. Примѣры естественныхъ терминовъ: „жить“, „рыба“, „движеніе“, „домашнее животное“, „поклоненіе солнцу“ и т. д. Примѣры техническихъ или искусственныхъ терминовъ: „предложеніе“, „сказуемое“, „волнообразныя колебанія воздуха“, „гипотенуза“, „индуктивные токи“ и т. д. И языкъ каждой науки состоитъ отчасти изъ естественныхъ терминовъ, а отчасти изъ искусственныхъ. При этомъ для составленія искусственныхъ терминовъ наука нерѣдко заимствуетъ слова не изъ родного, но изъ чужихъ языковъ, именно—изъ латинскаго и греческаго. Совокупность искусственныхъ терминовъ, установленныхъ данной наукой, взятыхъ въ связи съ объясненіемъ ихъ значенія, называется терминологіей этой науки.

§ 12. При дальнѣйшемъ изученіи сужденій намъ придется упомянуть о признакахъ тѣхъ предметовъ, которые мыслятся въ подлежащемъ и сказуемомъ. Поэтому удобнѣе всего сперва сказать, что такое признаки и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга. Признаками называется все то, въ чемъ предметы сходны или же различны между собой. Напр., четырехугольность составляетъ одинъ изъ признаковъ всякаго квадрата, которымъ послѣдній сходенъ и съ остальными квадратами, и съ параллелограммами, и съ трапеціями, словомъ, со всѣми четырехугольниками, какъ бы они ни назывались. Этимъ же самымъ признакомъ, между прочимъ, квадраты отличаются